

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.007

УДК 1.118

Ермичёв А. А.

«ФИЛОСОФСКАЯ ЖИЗНЬ В СССР И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)»*

Общественно-литературный журнал «Современные записки» (1920–1940) согласно признается выдающимся явлением русской культуры первой половины XX в. Предлагаемая статья рассматривает реакцию публицистов и философов русского зарубежья на философскую литературу, вышедшую в СССР в 20–30-е гг. XX в. В небольшом количестве статей и рецензий они констатируют политико-идеологическую обусловленность социально-культурного статуса советской философии и обнаруживают в ней такие теоретические моменты, развитие которых могло бы освободить ее от ненаучного идеологизма и достигнуть положения истинной философии как деятельности чистого, незаинтересованного мышления. Начало такого процесса они связывают с продумыванием ленинских «Заметок о диалектике».

Ключевые слова: эмиграция, Советская Россия, марксизм, революция, политика, идеология, философия, Шпет, Лосев, Ленин.

A. A. Ermichev

*PHILOSOPHICAL LIFE IN THE USSR AND ITS REFLECTION
IN THE “CONTEMPORARY NOTES” MAGAZINE (1920–1930s)*

Social and literary magazine “Contemporary notes” (1920–1940) is amenably considered to be an outstanding phenomenon of the first half of the 20th century. The suggested paper sees into the reaction of publicists and philosophers amidst the Russian emigration on the philosophical literature published in the USSR in the 1920–30s. In a moderate quantity of articles and reviews they state political and ideological conditionality of the social and cultural status of the soviet philosophy and unveil such theoretical issues in it the development of which could have liberated it from unscientific ideologism and have accomplished the position of the genuine philosophy as the performance of a pure, disinterested thought. The origins of this process are linked to thinking through V. Lenin’s “Dialectic notes”.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

Keywords: emigration, Soviet Russia, Marxism, revolution, politics, ideology, philosophy, Shpet, Losev, Lenin.

Русское зарубежье, возникшее в пламени Октябрьской революции и Гражданской войны, внимательно всматривалось в советскую жизнь, ожидая завершения социального эксперимента, на который история обрекла страну. Без его внимания не осталась философская жизнь на оставленной родине. Теперь она подпитывалась марксизмом-ленинизмом, который, согласно самоаттестации, был последним и высшим интеллектуальным продуктом мировой культуры. Желание марксизма-ленинизма, опираясь на государственную силу, руководить мировоззрением всех граждан огромной страны делали его огромным социальным и культурным явлением. Советский марксизм закономерно становится предметом анализа Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Ф. А. Степуна, П. Б. Струве, С. Л. Франка и других русских мыслителей, оказавшихся за рубежом. Первой площадкой их выступлений чаще всего была периодика русского зарубежья — газетная и журнальная.

В ней особенное место занимает журнал «Современные записки». Созданный в 1920 г. журнал, благодаря самоотверженной работе редакции, со временем в какой-то мере становится органом всего русского зарубежья. Он видел свою задачу в служении интересам русской культуры и определил себя как литературно-общественное издание с мощным присутствием социально-культурной и социально-политической публицистики, которая опиралась на демократические идеалы русского освободительного движения XIX — начала XX вв. Плеяда выдающихся имен писателей (М. Алданова, И. Бунина, В. Зайцева и др.), поэтов (З. Гиппиус, В. Ходасевича, М. Цветаевой и др.) и литературных критиков дополнялась именами политических публицистов — М. Вишняка, Ст. Ивановича, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, В. А. Мякотина, В. В. Руднева, И. Хераскова, Г. Федотова. В семидесяти книгах журнала отечественная философия была достойно представлена именами Н. А. Бердяева, С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского, Л. Шестова, которые говорили о глубинных основаниях жизни и культуры. Отделы «Критика и библиография» и «Культура и жизнь» в форме рецензии или статьи предлагали информацию о новинках отечественной и европейской философской литературы.

Мыслители зарубежья еще в дореволюционные годы были знакомы с русским марксизмом и потому хорошо знали, что означали «генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм в СССР». Вместе с тем политические публицисты «Современных записок», многие из которых были социалистами и даже марксистами, давали серьезную критику советской идеологии. Возможно поэтому профессиональная философия в СССР, зажатая идеологическими шорами, воспринималась, скорее, как культурный казус и только потом — как собственно философия. О таком характере интереса говорят немногие публикации о ней в «Современных записках». В семидесяти номерах журнала их было не более пятнадцати — несколько статей и с десятком рецензий. Большая часть их принадлежит Д. И. Чижевскому, который писал под псевдонимом П. Прокофьев; меньшая — Б. Ф. Шлэцеру и Г. Л. Ловцкому и, наконец, одну статью написал Н. О. Лосский.

Поступавшая из Советской России литература была двух категорий. Одни рецензенты работали с книгами, напечатанными в Советской России до 1922 г., когда еще — по признанию Н. О. Лосского — «преподавание в университетах и печатание философских книг продолжалось с почти тою же свободой, как и до революции» [2, с. 364]. После 1922 г. советская цензура стала перенастраивать сознание авторов на советский лад и все строже оценивать создание философской литературы. Возникает литература иной категории. Теперь «Современные записки» имеют дело не только с авторами дореволюционной формации. Не они определяют философскую жизнь в Советской России, а другие, кого большинство, кто был воспитан новой социальной реальностью или приручен ею. Рецензии Т. В. Левицкого и Д. И. Чижевского на книги Г. Г. Шпета, на его сборник «Мысль и слово» и на «Очерки развития русской философии», а также все выступления Б. Ф. Шлёцера — это о литературе первой категории.

Умышленно или по нечаянности в этой литературе современность отодвинута на какие-то дальние планы или вообще отсутствует. Станным и наивным кажется и восприятие ее читателем русского зарубежья. Вот наблюдение Б. Ф. Шлёцера, которым он поделился с читателями в рецензии на второй (увы, оказавшийся последним!) номер журнала Петроградского философского общества «Мысль».

С радостью констатируем, что работа философской мысли в России продолжается и что никакие потрясения, экономические, моральные не в силах парализовать деятельность чистого, незаинтересованного мышления, стремящегося постигнуть вневременную значимость вещей. Если бы не новое правописание, то, судя по первому впечатлению, ничто не отличало бы послереволюционную «Мысль» от старых «Вопросов философии и психологии». Та же, как будто, бумага, бумага почти — довольно скверная, та же и печать. В оглавлении мы встречаем знакомые имена — А. И. Введенского, Э. Л. Радлова, Н. О. Лосского, Ф. Ф. Зелинского Н. Н. Яковлева. Не помню лишь К. М. Милорадовича. Впечатление совершающейся спокойной, нормальной, несмотря на все трудности, работы подтверждается и тоном статей, тоном выдержанном, «академическом» вполне и содержанием их, далеким от всякой злобы дня [10, с. 377].

«Современные записки» имеют дело с литературой такого рода. В ней же философия понимается как «чистое, незаинтересованное мышление, стремящееся постигнуть вневременную значимость вещей».

Столь же удивительна позиция Г. В. Ловцкого — а он тоже постигает «вневременную значимость вещи» — на шпетовский ежегодник «Мысль и слово». Очень хорошо видно, что титульный лист сборника помечен говорящей датой его выхода в свет — 1917–1921 гг. Но и это не подсказало автору, какое тысячелетие на дворе! Он пишет рецензию так, как будто ни в Москве, ни в России, ни в Европе ничто не произошло. Хорошая, вполне профессиональная рецензия, героем которой является все тоже «незаинтересованное мышление».

Не менее странен Д. И. Чижевский, который тоже говорит от имени того же «чистого мышления» Его отрицательная рецензия на плохой «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова, переведенный на немецкий язык, понятна и оспариванию не подлежит! Но как он, восхищаясь полной

драматизма картиной русской философии, написанной мастерской рукой Шпета, и упрекнув автора в недооценке им философских потенций просвещения, не заметил одной маленькой детали, которая так важна для характеристики эпохи: он не обратил внимания на дату, поставленную Г. Г. Шпетом под свои предисловием к «Очеркам», а дата эта — 17 августа 1922 г. Не может быть, чтобы москвич Шпет случайно поставил ее, зная, что в ночь на 16 августа 1922 г. в Москве прошли аресты профессуры, которыми начался этап акции по высылке из страны интеллигенции, заподозренной в антисоветизме*.

Но не могло быть так, чтобы авторы «Современных записок» не замечали большую историю. Ее прямое опознание — одна из задач журналу его философов и политических мыслителей. В нашем случае такое прикосновение к большой истории предложено статьями-размышлениями Б. Ф. Шлёцера, писавшего о трех русских книгах — «Переписка из двух углов» М. О. Гершензона и Вяч. Иванова, сборника Н. А. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. А. Степуна и С. Л. Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы» и евразийского сборника «На путях». О каждом из них он сказал бы то же, что им сказано об авторах «Переписки»:

Если бы я не знал, кто авторы этих писем, не знал бы года и места появления этих писем, я все же с первого момента почувствовал бы, что они — создание катастрофической эпохи, эпохи великих потрясений, не только политических и экономических, но и духовных, эпохи, отмеченной кризисом сознания [9, с. 196].

Они видят, что в мировой войне и революции состоялось бесповоротное осуждение западноевропейской культуры. Эта культура привела к войне и сегодня готовит новые столкновения. Она должна быть преодолена. Приходит сознание ее относительности, ее, которая еще вчера признавалась высшим типом и на которую равнялись все. А теперь «мощные скрепы рассыпались, обнажились какие-то новые пласты, из которых можно вылепить новые формы, какие угодно формы...» [9, с. 197] Кризис оказывается просветом, и, быть может, в него шагнул Г. Г. Шпет, приложивший усилия к тому, чтобы его имя было вычеркнуто из списка высылаемых...

Сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», который рецензист сопоставил с евразийским «На путях» (в равном понимании относительности культур), был прочитан В. И. Лениным, назван им «литературным прикрытием белогвардейской организации» и стал одним из поводов к операции по высылке из страны интеллигенции. И вот еще одно странное совпадение: двенадцатая книжка «Современных записок», где публикуется статья Б. Ф. Шлёцера о московском сборнике выходит в свет 30 сентября 1922 г., когда его авторы обустроиваются на пароходе «Обербургомистр Гаккен», который вот-вот повезет их в Германию!

* Эпизод с «философским пароходом» не получил в «Современных записках» почти никакого отражения. О нем рассказал только М. Осоргин в очерке «Тем же морем» (Кн. 13 за 1922 г. Номер появился в продаже 7 декабря). Он видит: «В столовой — старики, молодежь, дети, все это — изгоняемые неизвестно за что и почему, все это — ненужные стране элементы с общественными наклонностями и скверной привычкой к независимой мысли».

Судя по количеству выступлений, главным знатоком советской философии был Д. И. Чижевский, работавший в журнале с 1923 г. «За советским диалектическим материализмом я следил довольно внимательно, — признавался Д. И. Чижевский одному из знакомых. — К сожалению, статьи, которые я о нем напечатал... носят несколько слишком полемический характер...» [12, с. 272] Речь идет о пяти рецензиях на философские книги, изданные в СССР, и трех статьях о положении философии на поневолу оставленной родине. Теоретической сердцевиной выступлений Д. И. Чижевского стал тезис об объективности философской проблемы.

В публикациях в «Современных записках» его понимание природы философии изложено при анализе работ Г. Г. Шпета В. Н. Ивановского, М. М. Рубинштейна, А. Ф. Лосева, сборника «Пути реализма» — по его представлению, эти авторы — настоящие философы, и с ними он беседует на равных. Его радует, что «начавшееся перед войной философское движение не замерло и сейчас» [6, с. 553]. Д. И. Чижевский оценивает их книги очень высоко: благодаря им, «может быть, на новой глубине будет открыта сознанию сфера чистой теории» [5, с. 523]. И так правильно было именно здесь предложить свое собственное философское кредо!

Философия, настоящая философия — думает он — это не размышление о жизни, стоя как бы в стороне от жизни; нет! — философия есть один из модусов жизни, одно из ее проявлений. Философия существует не вне бытия, не вне жизни, а сама есть проявление бытия и жизни, но проявление особого рода, а именно, когда жизнь предстает в ее Истине. Понятие — оставаясь конкретным, само входит в систему чудесных общих понятий, каждое из которых охватывает бесконечное множество данных. Философия — объективна, как объективна Жизнь. Оттого познание Жизни — это огромная, трудоемкая работа по сбору фактов — новых и новых, каждый из которых через мысль высвечивают значение уже найденных. В этом случае философия есть сама себе цель. Она не подчинена ничему и не имеет никаких практических задач; она есть только движение в бесконечность бытия, в бесконечность Жизни.

Философия есть только и всего навсего — последняя серьезность, требующая сознания ответственности, требующая последней экстатичной основательности, требующая не выбора между точками зрения, а определения (*Entscheidung*) на последних глубинах, определения, которое собою определяет всякий выбор и всякое частное решение [5, с. 521].

Он ценит философа в религиозном философе (будь то Н. А. Бердяев или о. П. Флоренский), и он ценит философа у коммуниста В. И. Ленина. Если же нет признания объективности философии, то о чем может идти речь? В силу своей объективности философия непременно действует на сознание и утверждается в нем именно как философия — разумеется, если внешние причины не помешают этому.

Такой логике следуют две статьи о советской, или красной, «философии» (и при этом слово «философия» заключается в кавычки!). Первая статья, 1927 г., «Советская «философия», рассказывает об абсолютном ничтожестве такой философии, а вторая — о том же предмете, 1930 г., «Кризис советской

философии», толкует о возможностях роста советской «философии» просто в философию, в настоящую философию.

Первая из статей была прочитана докладом в Философском обществе в Праге 23 ноября 1927 г. Здесь он констатирует, что в Советской России «времена для философии наступили очевидно более суровые, чем даже те 12 лет николаевской эпохи, когда философия была изгнана из университетов» [4, с. 481] Теперь тоже философию не преподают в высших учебных заведениях, а там, где ее преподают (например, Институт красной профессуры), уровень философской подготовки невообразимо низок (и «в объеме, в котором ранее был знаком всякий заинтересовавшийся философией гимназист»). Его поражает обычай разрешать философские споры принятием какой-то резолюции. Тех же, на кого постоянно ссылаются советские авторы — Плеханова, Шулятикова, Ленина, — он называет «просто плохими и мелкими философами». И поскольку советские материалисты отвергают все, что в своем бытии отличается от чувственной данности — они отрицают специфику бытия математических объектов, отрицают реальность психического, — то они не являются философами по сущности. В таком случае единственной реальностью для советской философии оказываются только чужое мнение, только книга, а главной формой деятельности становится «комментирование и истолкование чужих мнений». Эти последние тоже расцениваются не с точки зрения логической правильности, а с позиции соответствия или несоответствия мнениям Маркса, Энгельса или Ленина, приемлемости для той или иной политической или классовой позиции.

Аргументы теоретические заменяются сплошь и рядом аргументами *ad hominem*. Вместо мыслей и идей перед советским типичным философом — авторы. Место анализа мыслей и идей занимает изобличение авторов в технике или иных политических прегрешениях, в политической или социальной вредности — или даже только бесполезности... [7, с. 472]

В конечном счете советскую философию Д. И. Чижевский уподобляет чему-то «ужасающе безрадостному, чему-то такому, для чего нельзя подыскать ни сравнения, ни надлежащих эпитетов. Советская философия принадлежит к категории нелепого — вроде подъемного крана из соломы, мостовой из хлебного мякиша, масла из железных опилок». [4, с. 482] Его ужасает, что «карикатура на культурное бытие, безбытийственная культурная форма пытается утвердиться в центре культурной жизни...» [4, с. 482]

И все же не все так убого в советской «философии». Противореча себе самому, Д. И. Чижевский показывает, что даже такая философия продолжает традиции русского просвещения, о чем свидетельствуют «наши дни, когда в штукатурку старого Московского университета вклеена в кудряшках эпиграмма “Дело науки — служить людям”» [3, с. 455]. Д. И. Чижевский суров к просвещению, но не так, как в «очерке» Г. Г. Шпета, когда автор исключил просвещение из философии. Нет, возражает Д. И. Чижевский:

В чистом нигилизме горел неосознаваемый пламень истины. Не только Белинский и Чернышевский, но и Нечаев и Ленин в своей вере в истину и в своем служении ей (хотя бы истина и сливалась с пользой, добром, человеком, партией

или подчинялась им) образуют какую-то необходимую (хотя бы и «отрицательную») ступень русского философского сознания [3, с. 456].

Видимо, такое убеждение помогло Д. И. Чижевскому пойти далее в анализе советской философии (на сей раз без кавычек; он даже повинился — в первой статье «может быть, несколько сгустил краски!») в статье 1930 г. она предстает иной — способной к развитию, с возможными перспективами на будущее.

С очевидным удовлетворением он находит в советской философии такие теоретические моменты, которые открывали эти перспективы:

Уже в первые годы монопольного положения советской философии обнаружилось, что с какой-то роковой необходимостью из той самой примитивной и элементарной проблематики, которая только и допускалась в пределах советской философии, вырастали одни за другими разногласия и контраргументы, а образовалось какое-то — с бору да с сосенки собранное — философское поколение, когда оказалось налицо многообразие личностей, так или иначе пришедших в соприкосновение с той или иной — хотя бы и урезанной и обедненной — философской проблематикой;

и

Некоторые из представителей советской философии подошли к каким-то философским объективным реальностям (которые собственно говоря, не полагалось бы не замечать, не видеть, игнорировать), тогда эти разногласия и контраргументы приняли серьезные размеры и начался «кризис советской философии» [7, с. 472].

Д. И. Чижевский просматривает сборник «Войновничий материалист», изданный в Харькове Институтом марксизма-ленинизма в 1929 г., и в распре его сотрудников, распре со всякого рода политическими обвинениями, вдруг встречает поражающие его места. Оказывается, в этой распре мелькают чьи-то соображения о «своеобразии сознания» и «возможности влияния психики на свою основу»; кто-то цитирует Ф. Энгельса, что «материя как таковая — чистое порождение мысли и абстракции», а директор Института будто утверждает, что «Гегеля не стоит уже изучать, так как марксизм вобрал в себя все то, что было ценного у Гегеля». Его оппоненты тот час же стали винить директора в позитивизме, ибо он отстаивал «момент суверенности специальной науки над философией» и «подчинял философию науке». Д. И. Чижевский, пораженный «развязыванием мыслей» и «безумной многоголосицей» относительно «очень существенных тем», указывает, что все это сделалось возможным «главным образом, под влиянием двух публикаций доселе неизвестных произведений “классиков марксизма”». Автор называет «Диалектику природы» Ф. Энгельса и заметки В. И. Ленина, сделанные им при чтении «Науки логики» Гегеля. Если работу Ф. Энгельса он ценит за гегельянство («натурфилософия чисто-гегельянского характера», — замечает Д. И. Чижевский), то ленинские «Заметки о диалектике» просто радуют его. «Писаны они лет 15 тому назад при чтении «Науки логики» Гегеля и — надо сказать — совершенно неожиданно представляют огромный философский шаг вперед в сравнении с наивно и просто скучною книгою Ленина об эмпириокритицизме». [7, с. 478] Д. И. Чижевский

даже не удержался от пересказа воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича о том, как, ознакомившись с книгой И. А. Ильина о Гегеле, В. И. Ленин освобождает его от ареста в ЧК. Главное, за что он ценит ленинские заметки — что ими «схвачено в диалектике действительно существеннейшее ее ядро». Д. И. Чижевский добавляет: «...продумывание ряда мыслей, набросанных Лениным до конца, должно бы было привести к взрыву «диалектического материализма» [7, с. 478].

Взрыва он еще не видит. Все еще продолжается дурная традиция, когда почтенный ученый Д. Багaley в угоду политическому режиму зовет Г. Сквороду «народным философом», «учителем всего народа», а В. Ф. Асмус ставит действительную науку «на служение невежеству и обману».

Но в философскую жизнь в СССР приходит новое. Оно проявляет себя в противодействии «механицизму», «вульгарному материализму» и вульгарному эволюционизму («опошленному спенсеризму» Н. И. Бухарина, как об этом в другом месте выразился критик), а также ползучему эмпиризму.

В подобном противодействии Д. И. Чижевский замечает радующие его признание реальности психического, робкое движение к реализму, т. е. признанию «объективности бытия всеобщего», а не только «единичного», отказ от тезиса о детерминизме как единственном типе связи в реальном мире, крушение одной из основных формулировок «материалистической диалектики» о переходе количества в качество, наконец, требование рассматривать развитие в формате «системы». «А нужно ли говорить о том, где “система”, там “механизм” и “количество” не могут играть существенной роли?» — риторически вопрошает Д. И. Чижевский в одной из своих рецензий. «Структура системы должна быть внутренне, “имманентно” обусловлена. Поэтому ставится проблема “сущности”, внутренней закономерности, которая при случае формулируется совершенно феноменологически» [8, с. 540]. Подчеркивается принцип «самодвижения» бытия».

Все это Д. И. Чижевский оценивает как «первый шаг, с неизбежностью ведущий к признанию реальности идеального бытия» [7, с. 483]. Он предлагает свою интерпретацию ленинского понимания «ядра диалектики» и делает из нее далеко идущие выводы. «Существенно, конечно, одно, — подчеркивает он, — “единство противоположностей” возможно только и исключительно, как вневременное и внепространственное единство. А раз реальность такого единства будет допущена, то допускается тем самым возможность идеального бытия» [7, с. 486]. Тогда-то ожидаемый взрыв станет реальностью:

...сама формула «диалектический материализм» раз навсегда навсегда закрепляет бесперспективность философского исследования. «Диалектика», конечно, приоткрывает связи лучших традиций философии прошлого. Но с меньшей решительностью «материализм» обязательный и неизбежный, обрезывает, закрывает наперед всякие перспективы дальнейшего философского развития [8, с. 541].

Одним из обнадеживающих результатов движения в правильном философском направлении Д. И. Чижевский называет книгу В. Н. Волошинова о философии языка, которая, к его удовлетворению, является «“онтологической” философией языка, созвучной... другим русским попыткам “онтологизма” в философии языка — от А. Ф. Лосева до С. Н. Булгакова». Ему дорого, что

в книге «марксистские исходные пункты преодолеваются внутренней необходимостью развития мысли» [7, с. 486].

Статья «Кризис советской философии» была последней работой Д. И. Чижевского о философии в СССР. Ею констатируется развилка на пути ее развития — путь «действующего соприкосновения со сферой философской реальности» или «путь возврата к антифилософскому успокоению». Автор трезво рассуждает, что «весь строй советской “общественности”, советской партийной и политической жизни говорит за то, что второй путь — путь безнадежный и бесплодный — гораздо более вероятен» [7, с. 488]. Он как в воду глядел...

Сорок третья книга «современных записок», где была напечатана эта статья, вышла в свет в июле 1930 г. Возможно, Д. И. Чижевский так определенно говорил о втором пути — «возврата к антифилософскому успокоению» — потому, что 7 июня в «Правде» прочитал статью М. Митина, В. Ральцевича и П. Юдина «О новых задачах марксистско-ленинской философии». В ней молодые задорные философы — выпускники Института красной профессуры уже объявляли войну всем — и диалектикам, и механистам, чтобы окончательно закрепить за философией статус политического инструмента в руках ВКП(б), руководимой И. В. Сталиным. И уж, конечно, Д. И. Чижевский не мог знать, что тов. Сталин скоро, 9 декабря 1930 г., в личной беседе благословит этих молодцев на последующие их философско-политические подвиги.

Последней публикацией «Современных записок» о советской философии стала статья Н. О. Лосского «Философия и психология в СССР». Она появилась в июне 1939 г. в 69-й книге «Современных записок». Европа ждала начала II мировой войны. Сам журнал переживал тяжелейший редакционный кризис — впервые на титульном листе журнала не перечислялся состав редакции (см. об этом: [10]).

В статье Н. О. Лосского не нужно искать чего-то принципиально нового, неизвестного. Автор предлагает читателю в общем известную тягостную историю политической опеки и преследования философии и философов, начавшуюся в 1922 г.: увольнения из университетов, аресты и высылки за границу, бегство философов из Советской России, гибель их в бедах и огне Гражданской войны, изъятие из библиотек книг по идеалистической философии и религии и политические репрессии.

Сами по себе необходимые дискуссии между диалектиками и механистами проходят в «атмосфере страха и доноса». Безопасным становится только цитатничество или комментаторство; хорошо, если публикация какой-либо рукописи из вождей. Но печатание «Философских тетрадей» В. И. Ленина раздражает автора: «Держа в руках этот том, ужасаешься тому, как легкомысленно растрачивают большевики средства голодающего народа на печатание макулатуры» [2, с. 369].

Одно лишь обнадеживает Н. О. Лосского — обширная переводческая деятельность и издание классиков мировой философии: «Можно надеяться, что возрождение философской мысли в России начнется по линии изучения истории философии» [2, с. 369].

Н. О. Лосский не раз и очень внимательно анализировал теоретическое содержание диалектического материализма, находя, что при логичном раз-

вители ленинской идеи о наличии в материи некоего свойства, родственного ощущению, это учение вполне могло бы стать вариантом теории «энерджентной эволюции».

Этого не происходит. Советские марксисты не желают двигаться в этом направлении только потому, что материализм всего прочнее и прямее связан с атеизмом: он наиболее пригоден для разрушения всех христианских, религиозных представлений и чувств и потому особенно привлекателен для большевиков, страстно ненавидящих христианство [2, с. 368].

* * *

Было бы наивно ожидать от зарубежья проявления симпатий к советскому строю. Не только из-за личной обиды их не могло быть. Отсутствие симпатий основывалось на понимании неестественного, «головного» происхождения русского коммунизма, вожди которого пошли на поводу у охлоса, думая радикально изменить его социальное и культурное положение — кто был ничем, тот станет всем! «И прежние подвальники, и вся мастеровщина, туго жизнью пригнетенная, из щелей выползала, из темных нор своих и вверх задвигалась: Попировали и довольно! Нынче наш черед! Выходи, беднота, голь и нищенство, подымай голос, нынче твой день!» [1, с. 458] — так писал возросший мастерством в зарубежье Б. Зайцев.

Поэтому когда открывалась возможность не отступая от истины проявить объективность к процессам на поневоле оставленной родине, лучшие из авторов в русском зарубежье делали это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев Б. К. Улица Св. Николая // Зайцев Б. К. Соч.: в 3 т. — М., 1993. — Т. 1. — С. 451–463.
2. Лосский Н. О. Философия и психология в СССР // Современные записки. — 1939. — Кн. 69. — С. 364–373.
3. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев) [Рец. на кн.:] Шпет Г. Г. Очерки развития русской философии. ч. 1. Пг, 1922 // Современные записки. — 1924. — Кн. 18. — С. 454–457.
4. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев). Советская «философия» // Современные записки. — 1927. — Кн. 33. — С. 481–501.
5. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев) Философские искания в Советской России // Современные записки. — 1928. — Кн. 37. — С. 501–524.
6. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев) [Рец. на кн.:] Пути реализма. Сб. философских статей Б. Н. Бабынина, Ф. Ф. Бережкова, А. И. Огнева, П. С. Попова. М., 1926 // Современные записки. — 1929. — Кн. 40. — С. 551–553.
7. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев) Кризис советской философии // Современные записки. — 1930. — Кн. 43. — С. 471–488.
8. Чижевский Д. И. (П. Прокофьев) [Рец. на кн.:] Теория равновесия и материалистическая диалектика. Сб. ст. М., Л., 1930 // Современные записки. — 1931. — Кн. 45. — С. 539–541.
9. Шлёцер Б. Ф. Русский спор о культуре: Вячеслав Ианов и М. О. Гершензон — «Переписка из двух углов» // Современные записки. — 1922. — Кн. 11. — С. 195–211.

10. Шлёцер Б. Ф. [Рец. на журн.:] Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Под ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. Пб., 1922, № 2 // Современные записки. — 1922. — Кн. 12. — С. 376–378.

11. Шруба М. История журнала «Современные записки» в свете редакционной переписки // «Современные записки». Париж, 1920–1940. Из архива редакции. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — Т. 1. — С. 37–132.

12. Янцен В. В. Философское творчество раннего Чижевского и «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. — М., 2010. — С. 264–274.